

Дарья Кузнецова

СЛОВО ИМПЕРАТОРА
СЛУЧАЙНЫЕ ГОСТИ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Дарья Кузнецова

Случайные гости

Фантастика • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2016

&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К89

Серия основана в 2011 году
Выпуск 231

Художник
В. Успенская

Кузнецова Д. А.
К89 Случайные гости: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 314 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2292-0

Сколько раз говорили: бойтесь своих желаний, они имеют свойство сбываться.

Бояться-то Алена боялась, но может ли юная девушка перестать мечтать о большой и чистой любви? Даже если есть дружная семья, увлекательная работа бортмеханика на частном транспортнике и связанные с ней приключения, нет-нет да и проскочит мысль о бравом и суровом капитане полиции, спасающем из лап грозных пиратов и увозящем к новой, еще более интересной жизни.

И вот результат: чужая планета, с которой нет выхода; мужчина — до того суровый, что его тяжело не то что полюбить — понять. И новая жизнь, настолько интересная, что только успевай оглядываться по сторонам и осознавать происходящие перемены.

Мечтать, говорят, не вредно. Вредно неточно формулировать свои мечты!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2292-0
© Кузнецова Д. А., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

*Самому лучшему Штурману.
Спасибо за то, что Вы были*

Глава первая,
*в которой я просто делаю свою работу
и размышляю о вечном*

Как приятно иногда вот так разлечься в траве, на прогретой солнцем земле, закрыть глаза и ни о чем не думать. Травинки щекочут шею, лицо и руки, шелестит ветер, звеня колокольчиками. Кругом все поет и стрекочет, но по сравнению с городским шумом — тихонько, почти шепотом. Удивительно музыкальная и ласкающая слух какофония.

Солнечные лучи греют щеки и даже сквозь закрытые веки почти слепят.

Пахнет... совершенно непередаваемый запах. Так пахнет жизнь, просто жизнь во всем ее многообразии. Нагретая трава, почва, какие-то цветы, прелая листва. Иногда ветер доносит свежий сырой дух реки, и тогда от одного этого запаха становится зябко. Река темная, глубокая, течет степенно и тяжело, а на дне полно ледяных ключей; вода настолько холодная, что от прикосновения к ней ментально сводит пальцы и вызванное жарким солнцем желание освежиться тут же пропадает.

Кажется, вот так, раскинув руки в траве, можно лежать вечно, потому что время запуталось, побежало по кругу, и уже ничто и никогда не изменится. Не получится шевельнуть даже пальцем, но это не страшно, а удивительно приятно и правильно. Так, должно быть, чувствуют мир камни: лежат и молча слушают, впитывая солнечное тепло и запах близкой реки.

Иногда хорошо побыть камнем, никуда не спешить, не решать никаких проблем и не задумываться над смыслом

каждого своего действия. Зачем об этом думать, если ты просто лежишь в траве, по тебе бегают мелкие зверушки и тени от травинки, и в положенный момент ты просто и без сожалений станешь пылью?

— Осторожно, быргун! — Встревоженный возглас нарушил мой сон-явь.

Я резко откатилась в сторону, поспешно вскочила на ноги. Под ботинками жалобно хрупнули раздавленные колокольчики, а потом все звуки потонули в радостном глумливом хохоте.

Я раздосадованно поморщилась, отряхивая комбинезон и недовольно косясь на ржущего братца. Пошутил, паразит мелкий. Да и я тоже хороша: если бы мной заинтересовался быргун, я не то что откатиться — сказать «а!» не успела бы. Самый опасный местный хищник, размерами и повадками напоминающий леопарда, а внешним видом — гибрид хорька и тапира с дирижаблем: вытянутое тело обтекаемой формы, плавно переходящее в морду, недлинные лапы с тонкими пальчиками, куцей хвостик.

— Говорили тебе: «Не пей, Иванушка, из козьего копытца!» А ты? Коз-зел, — проворчала я.

— Тогда ты, Аленка, коза, потому что моя сестра, — не менее привычно отмахнулся младший брат. — Хорош уже валяться, пойдем, лететь скоро.

— До вылета вроде еще три часа оставалось или вы уже закончили разгрузку? — уточнила я, подходя ближе.

Мелкий стоял на краю летного поля в позе «космического волка»: расхлябанно, одна нога отставлена чуть в сторону, комбинезон на груди расстегнут, большие пальцы заложены за ремень. Взгляд свысока и травинка в зубах. При его лохматом белобрисом чубе, конопушках и голубых глазах, порождающих завершенный образ «я у мамы дурачок», выглядело подобное комично.

Впрочем, мелкий он исключительно в силу моей привычки: на тетя Адиной кормежке вытянулся уже на полголы выше меня и на достигнутом останавливаться не собирался. Нет, вообще Ванька растет хорошим парнем: не

злой, рукастый, честный, даже местами благородный. Умен вот только не по годам, самому шестнадцать — ума как у трехлетнего. Но мальчики, говорят, поздно взрослеют. И то — не все.

— Не-а, дальняя связь барахлит, папа Боря просил тебя взглянуть, пока стоим, — брат передернул плечами.

— Плюнь, — проходя мимо, я выдернула у него изо рта травинку. — Вдруг она ядовитая? Ты не дома, олух!

— Ой-ой-ой! Как самой валяться, так это нормально, а мне, значит, нельзя? — возмущенно пробурчал он, нагоняя меня.

— Я в рот абы что не тяну, — отбрила Ваньку, хотя слова младшего были справедливы. Лаура, конечно, открыта давно, и местная живность в большинстве своем переписана и изучена (уж рядом с космодромом — точно!), но инструкции настойчиво не рекомендуют вот так расслабленно валяться на солнышке в непроверенных местах. — И не горбись, — добавила, ощутило ткнув мелкого кулаком между лопаток.

Брат скорчил рожу, но все-таки выпрямился: в том, что настоящему космическому волку негоже быть сутулой глистой, он со мной согласен.

О чем думали наши родители, называя меня красивым старинным именем Алена, я, предположим, знаю: о прабабке, в честь нее и назвали. А вот какой зечик дернул их назвать моего младшего брата Иваном, я предположить затрудняюсь. Но, так или иначе, эта дурацкая старая сказка преследует нас с самого детства, начиная с давней гибели родителей, когда Ваньке было всего пять, и заканчивая нынешним местом обитания — частным транспортником «Лебедь».

Зечик — это, к слову, такой фольклорный персонаж, «зеленый человечек». Какой-то космический дух или демон из совсем уж старых времен, примерно оттуда, откуда к нам пришла так нелюбимая мною сказка; я никогда не интересовалась подробностями.

Ущемленными и обиженными жизнью сиротами мы с мелким, впрочем, никогда не были. Нас сразу приютил давний друг отца, дядя Боря, работавший дальнобойщиком столько, сколько я себя помнила. У них с женой, тетей Адой, своих детей не было, так что мы с успехом заменили друг другу семью. Я называла их по привычке «дядя и тетя», но для Ваньки они стали куда более родными существами, чем полужнакомая пара с голографий, и отсюда возникло немного странное обращение — «папа» и «мама», но по именам, которое порой проскальзывало и у меня. В моем сердце, как я вынуждена была со стыдом признать, эти люди заняли внушительную часть места, отведенного для родителей. Не вытеснили знакомые образы, просто прежде это место пустовало.

Я не могу сказать, что родные родители нас не любили. Наоборот, каждый раз получался настоящий праздник, если удавалось провести недельку-другую вместе. Но именно в этом состояла проблема: у них оставалось очень мало времени на детей. Они оба были музыкантами, играли в одном оркестре и постоянно вместе гастролировали. Мама — Наталья Панкова, гениальная скрипачка, папа — Юрий Ким, виртуозный виолончелист; оба потрясающе светлые, воздушные, возвышенные люди, оторванные от реальности и влюбленные в музыку.

Мое раннее детство почти целиком прошло с бабушкой, потом к нам присоединился Ванька, но через год бабушка умерла, и мы фактически остались вдвоем. Менялись какие-то приходящие няни и многочисленные друзья семьи, но никто надолго не задерживался. А потом корабль, на котором летели родители, погиб, и за неимением родственников мы оказались в очень нехорошей ситуации. Я уже сдала тестирование на гражданство и самостоятельность, но еще училась, поэтому не могла самостоятельно взять опеку над братом, и ему грозил детский дом.

Вот тут-то и появились в нашей жизни всерьез и надолго спокойный степенный космолетчик Борис Таль и его добрая уютная жена.

Дружба таких непохожих людей, как дядя Боря и мой отец, началась весьма прозаично, в детстве, когда один мальчишка, сорванец со сбитыми кулаками, вступился перед дворовыми хулиганами за другого мальчишку, худенького очкарика с огромным футляром виолончели. Так и подружились. Они относились друг к другу одинаково покровительственно: музыкант-отличник считал троечника-обалдуя недалеким, простым как табурет, но добрым и хорошим, а тот считал музыканта бестолковым и неприспособленным к жизни, но — забавным. Дружба оказалась неожиданно крепкой, несмотря на диаметрально противоположность сначала мальчиков, а потом и мужчин. Они до самой гибели отца регулярно общались и явно получали от этого процесса удовольствие. Наверное, обоих привлекала возможность на какое-то время окунуться в совсем другой мир, непривычный, а потому — загадочно-интересный.

У отца в жизни все было просто. Музыкальная школа, консерватория, концерты, конкурсы, репетиции, бесконечные гастролы и такая же возвышенно-интеллигентная жена. Вместе они напоминали пару журавлей: тонкие, изящные, светловолосые, с плавными движениями и вкрадчивыми мягкими манерами.

У дяди Бори... тоже все было просто. Летная школа, пятнадцать лет за штурвалом военного транспортника, стычка с пиратами, ранение, комиссия, пенсия в тридцать пять и небольшой дальнобойщик, взятый под залог всего имущества, которое у него имелось. И жена — простая и добрая женщина, ассистент врача с того же корабля, на котором он служил. Они тоже вместе смотрелись очень органично: невысокие, плотного телосложения, деловитые и хозяйственные. Лично мне они напоминали пару бобров.

Собственно, на этот транспортник нас и забрали, вполне официально оформив опекунство. Здесь и моя недополученная профессия бортмеханика оказалась очень кстати. Специальность я выбирала по простому принципу «как можно дальше от оркестра и сцены», а техника в це-

лом и космические корабли в частности завораживали меня с детства. К счастью, особыми талантами в музыке я не блистала, и родители не стали уговаривать продолжить династию. Хотя играть на скрипке я выучилась и даже полюбила это дело, но — для себя, тихонько, под настроение.

О неоконченном образовании я не жалела совершенно. На практике, да под руководством предыдущего механика деда Ефима, сейчас окончательно осевшего на Земле из-за преклонного возраста и проблем со здоровьем, я освоила профессию в гораздо большем объеме, чем могла сделать это в училище.

Зрелище, конечно, довольно потешное: пара журавлят, воспитанная бобрами. Мы же с братом в родителей, оба светловолосые и достаточно высокие, я — так даже выгляжу почти хрупкой, как мама, даром что на поверку гораздо крепче. А вот Ваня в отличие от отца не чурается физической нагрузки и более того, весьма упрямо работает над своей подготовкой. Результат пока выглядит весьма потешно — тощий, с широкими костлявыми плечами, — но это он просто растет. Вот вырастет, мясца наработает, красавец будет. Действительно — космический волк. Ванька твердо настроен пойти по стопам дяди Бори, нынешняя жизнь ему безумно нравится, он уже неплохо наловчился пилотировать. А я... мне она тоже в целом нравится.

Если бы еще не Ванькины шуточки!

— И что «Выпь» говорит? — уточнила я, пока мы шли по гладкому упругому покрытию без малейшей щербинки — небольшому местному космодрому.

«Выпью» называлось упомянутое Иваном устройство дальней связи, позволявшее почти без задержек передавать информацию на громадные расстояния. Закономерно, что подготовка к сеансу связи начиналась с дядиногo флегматичного «ну что, выпьем?» Устройство было сложное, капризное, задумчивое и на редкость неторопливое. Его работоспособность зависела от совершенно непредсказуемых факторов вроде личного «хочу», активности Сириуса или скорости ветра на экваторе Юпитера.

— Вот сейчас придем, сама узнаешь, — отмахнулся брат. Потом пару секунд помолчал и смущенно продолжил: — Слушай, Аленк, я комбез порвал. Зашьешь?

— Как ты умудряешься это делать? — Я растерянно покосилась на мелкого. Ткань наших летных (читай — рабочих) комбинезонов живуча настолько, что из нее можно шить скафандры (собственно, их из нее и шили), но брат умудрялся регулярно рвать комбезы в самых неожиданных местах, причем без особых усилий.

Хотя больным вопросом, конечно, оставалась обувь. Как шутила тетя Ада, это основная статья наших расходов, в отдельные периоды перекрывающая даже текущий мелкий ремонт и топливо.

— Это не я, оно само, — привычно начал отпираться Ванька. — Я с погрузчика слезал, вот и... — Он продемонстрировал внушительный разрыв на боку под мышкой, в который прошел бы мой кулак.

— Ладно, как прыгнем, приноси, заклею, — отмахнулась я.

— Спасибо! — просиял брат. За годы жизни с этим оболтусом я наловчилась чинить дыры так, что они становились почти незаметны, только придавали одежде легкий налет «бывалости», безумно радовавший Ивана.

Летное поле было небольшим. На Лауре пока еще не построили крупных поселений, для начала ее следовало как следует изучить, понаблюдать за естественным ходом вещей, выяснить, какие людям грозят опасности, прикинуть, каких местных животных и растения можно использовать в быту, а земных — разводить в новых условиях. Всем этим занимались специалисты-исследователи в нескольких городках и мелких поселениях, раскиданных по планете, оборудование для которых мы и привезли. Дядя Боря пользовался авторитетом в своих кругах, его знали как человека слова, и потому он входил в число частных лиц, которым порой доверяли перевозки государственные структуры. Особенно если груз был слишком маленьким,

чтобы ради него снаряжать полноценный рейс, но слишком важным, чтобы ждать попутных контейнеров.

Прежний владелец нашего корабля явно не блистал фантазией, но транспортник этот искренне любил. Во всяком случае, именно такое впечатление у меня сложилось, когда я узнала название: назвать «Лебедем» серийный транспортник «Пеликан-М» мог только человек подобного склада.

Корабль своими очертаниями действительно напоминал птицу. Вытянутая узкая «голова», где располагалась рубка, перетекала в толстое «тело» трюма, плотно обхватывающее «крыльями» крупное «яйцо» двигательного отсека.

Двигателей было три, а вернее, три системы двигателей. Не только у этой модели, подобное разделение существовало уже много лет. Атмосферные, или «факелы», позволявшие маневрировать в атмосфере и садиться на планеты, импульсные, или «толкачики», быстро разгонявшие корабль в вакууме, и, конечно, прыжковые, позволяющие прокалывать пространство и, собственно, путешествовать между звезд. Последние как только ни называли: и «бочкой», и «дыркоделом», и даже — мое любимое! — «волшебным пенделем». И это только малая часть цензурных вариантов, космолетчики — народ простой и на язык острый.

Ванька проводил меня до корабля и умчался дальше — помогать с разгрузкой. Поднявшись по узкому трапу в шлюз, я дождалась, пока за спиной закроется дверь, тихо пшикнет система очистки, гравитация на мгновение упадет до нуля, погружая в невесомость, а потом опять начнет увеличиваться, притягивая к корабельному полу. Я привычно зажмурилась, позволяя вестибулярному аппарату побыстрее перестроиться: относительно окружающего мира мы по кораблю ходили вверх ногами. Тот сейчас стоял «на спине», что упрощало доступ к трюму.

— Дядя Боря, что там с «Выпью»? — громко крикнула я.

Жилой модуль в корабле небольшой, рассчитанный всего на десять человек — пять членов экипажа (капитан, пилот, штурман, бортовой врач и механик) и столько же пассажиров. Дядя Боря совмещал должности капитана и пилота, врачом числилась его супруга, механиком была я, а Иван восполнял численность отсутствующих пассажиров. Вот капитан его поднатаскает, братец не только сдаст тест на гражданство и самостоятельность, но и получит летные корочки, и можно будет официально оформить на должность.

А место штурмана занимал Рыков Евгений Васильевич, тоже отставной вояка, только, в отличие от капитана, не уволенный с медлительной «ломовой лошадки», а много лет отлетавший на стратегическом штурмовике, машине серьезной и вызывающей у врагов ЗОР нервную чесотку.

ЗОРОм, или полностью — Союзом Земли, Олимпа и Радеды, издавна называлась наша страна, по имени трех планет-основательниц, лидер среди которых, бесспорно, Земля. Сейчас в Союз входят полтора десятка обитаемых миров — колонии и те, кто предпочел отказаться от суверенитета в обмен на защиту мощного космического флота и серьезные торговые привилегии.

— Чего орем? — насмешливо поинтересовался Василий, выглядывая из двери, ведущей на камбуз. Невысокий (откровенно говоря, мелкий: я выше), крепкий, юркий и бесконечно обаятельный, острый и бойкий на язык, при своей совершенно несолидной наружности по сей день остающийся заправским дамским угодником, Рыков заставил меня осознать смысл старой шутки «кто в армии служил — тот в цирке не смеется». Великолепный рассказчик, он травил такие байки из собственной флотской жизни — заслушаешься. Человека с более потрясающим чувством юмора я никогда не встречала и порой искренне сожалела, что Рыков чуть не в три раза старше меня. Был бы помоложе — точно влюбилась бы! Подозреваю, склонность ко всяческим подколкам и розыгрышам Иван при-

обрел как раз благодаря историям штурмана, но сердиться на Василича за порчу младшего брата я не могла.

Из животных Рыков напоминал выдру. Что обаянием, что деловитостью, что узким лицом с темными глазами.

— Ванька говорит, вроде дальняя связь поломалась, — ответила я, вопросительно глядя на штурмана.

— А, то есть ты решила героически заменить ее собой? — ехидно поинтересовался в ответ Василич. — Тогда лучше вылезай на крышу, оттуда до Земли ближе.

— Не-не-не, лучше специалистку почию! — открестилась я и фыркнула от смеха, представив картину. — Не знаете, что с ней?

— Да как обычно. Говорит, в упор она всех нас не видит вместе с нашей Землей, она сегодня не в форме и не в настроении, и вообще, у нее голова болит. Я предлагал стукнуть хорошенько, но Борька не дал и решил позвать тебя.

— Вот и правильно. Василич, ну как так можно — стукнуть? — с укором протянула я. — Она же женщина, к ней подход нужен!

— Какая женщина, такой и подход, — со смешком отмахнулся штурман и исчез в недрах камбуза. Небось украдкой от тети Ады трескать бутерброды с чаем: она терпеть не может, когда кто-то кусочничает.

Возразить было нечего, поэтому я просто молча двинулась в пульттовую.

Дяди Бори на месте не обнаружилось, он наверняка руководил разгрузкой. Его жена, вероятно, составляла ему компанию или знакомилась с местными обитателями, очень может быть — делилась рецептами. Тетя Ада обожает готовку даже больше, чем свою прямую специальность.

Механик на таком маленьком корабле — должность хлопотная и многогранная. Название осталось с совсем древних времен, а по факту «механизмов» на кораблях почти нет уже очень много лет. Вся современная техника — это сплошная биоэлектроника, и для того, чтобы поддерживать ее работоспособность, нужно разбираться во всем, начиная с физики и заканчивая программировани-

ем. Не говоря уже о том, что многие модули обладают своим примитивным искусственным интеллектом, который периодически чудовищно глючит, и в такие моменты я вообще ощущаю себя психиатром. Вот как с «Выпью», которая, увы, считает себя очень умной.

Я с размаху плюхнулась в штурманское кресло и достала из специальной ниши под пультом свой рабочий терминал — тонкий шлем, наглухо закрывающий лицо и изолирующий от внешнего мира. Таких по всему кораблю — несколько. Это гораздо удобнее, чем в ответственный момент бегать кругами и вспоминать, где я оставила основной: то ли в двигательном, то ли в трюме, то ли на камбузе, когда у Ады какой-нибудь очередной прибор барахлил.

— Ну, здравствуй, родной, — мурлыкнула тихонько, подключаясь к кораблю. Если дядя Боря и Василич взаимодействовали с ним через пользовательские терминалы, общаясь как с партнером или, скорее, подчиненным, то я сейчас выступала в тетиной роли: доктора, разглядывающего потроха пациента.

Сознание, пока подгружались нужные модули, на мгновение ухнуло во тьму, а потом я взглянула на окружающий мир уже другими глазами. Здесь, в этой виртуальной реальности, все пока выглядело точно так же, как и за ее пределами. Та же рубка, те же стены и пустое кресло пилота рядом. Впрочем, нет, не пустое: стоило об этом подумать, и кресло занял «болванчик» — безликая полупрозрачная кукла в армейской летной форме, графическое отображение автопилота. Сейчас, отключенный, он мирно дремал, очень по-человечески запрокинув голову. Не просто по-человечески, а очень знакомо, поза была дядь Борина. Мы всегда накладываем отпечаток на вещи, которыми пользуемся.

Повинуясь моему приказу, стены истончились, позволяя оглядеться по сторонам глазами камер внешнего обзора или с помощью тысяч разнообразных датчиков заглянуть в любую часть корабля, отследить любую цепь и найти возможные места разрывов.

Для начала я мельком удовлетворила свое любопытство и удостоверилась, что дядя с братом при помощи погрузчика и нескольких местных обитателей, выглядящих не как серьезные ученые на дикой планете, а как дачники-отпускники, в самом деле продолжали разгружать из трюма объемные контейнеры с хрупким и чувствительным (как было написано в сопроводительной документации) содержимым. А потом я переместила свое внимание на носовую часть корабля, где почти сразу перед пультовой, под продолжающим обшивку прочным обтекателем, ютилась не только «Выпь», но и излучатель ближней связи, и еще несколько полезных приборов.

На первый взгляд (как, впрочем, и обычно) с нашей капризулей все было в порядке. Я проверила основные слабые места, подключение, перезагрузила систему — бесполезно. «Выпь» по-прежнему не понимала, где она находится и чего от нее хотят эти странные люди. То есть работать-то она работала, но исключительно на перегонку электрической энергии в тепловую, и то вяло.

Промаявшись почти час, я уже начала склоняться к мысли, что Василич прав и заразу действительно стоит хорошенько стукнуть. Все было в норме. Все тесты «Выпь» проходила на ура, все сопутствующие системы работали в штатном режиме, а связь — отсутствовала.

Тоскливо разглядывая тонкую рогатину излучателя и ящички «мозгов» устройства, часть из которых располагалась почти у меня под ногами, я вспоминала деда Ефима. В таких случаях он советовал сначала проверить все очевидное, потом — все очевидное вокруг интересующего проблемного узла, потом — все неочевидное, потом — вообще невероятное. Когда не помогало и это, мрачно изрекал: «Деду надо покурить!» И действительно шел к себе в каюту, где набивал старую трубку ядреным табаком, невесть с чем смешанным, долго курил ее взятяг до полного позеленения, а потом шел и молча совершал какое-то парадоксальное действие, или, напротив, какое-нибудь действие, до

этого момента совершенное неоднократно. И — о чудо! — все начинало работать.

Но ностальгия совсем не помогала разобраться в происходящем и выработать план действий. Такого надежного способа связи с высшими силами и подсознанием у меня не было, интуиция тоже молчала.

Уже от безысходности я полезла смотреть показания климатических датчиков. Температура, влажность, давление, атмосферный состав... Стоп. А с давлением у нас что?!

Некоторое время я тупо созерцала красивые стрелочки, наглядно демонстрирующие направление сил, воздействующих на пространство под обтекателем. Стрелочки безжалостно растягивали «Выпь» и всех ее соседей в противоположные стороны. Гравкомы — гравитационные компенсаторы — исправно создавали там корабельное поле, но не исключали воздействия притяжения планеты. Сила воздействия по сравнению с заявленными характеристиками излучателя была ничтожной, но стоило вправить мозги компенсаторам, и наше положение в пространстве сразу определилось.

Проще говоря, «Выпь» укачало и слегка мутило. А некоторые люди еще утверждают, что техника бездушна! Вот как им после такого верить?

Впрочем, так говорят только те, кто никогда с ней по-настоящему не работал. Дело ведь не только в наличии или отсутствии искусственного интеллекта, даже у самых простых вещей есть своя душа, у них бывает дурное настроение, они умеют бояться. Боятся они, правда, совсем не того, чего боятся люди; вещи не знают, что они тоже смертны.

Я, например, точно знаю, что кухонный агрегат боится темноты. Кто ответит почему? Может, этот страх преследовал человека, который устанавливал его на корабле? Или чинил когда-то? Или участвовал в составлении программы? Но я всегда оставляю на камбузе дежурное освещение, и тогда наутро приготовление пищи идет без запинок. Остальных я, конечно, не раз предупреждала, что

полностью гасить свет нельзя, но они периодически об этом забывают, и тогда утро неизменно начинается с ворчания тети Ады. Старый агрегат, конечно, сбоят не только по этой причине, но ее тоже нельзя сбрасывать со счетов.

Объяснять, *почему* в кухне нужно оставлять хоть немного света, я даже не пыталась: поднимут на смех. Большой, конечно, не посчитают, но... так нам всем проще. Мне проще наврать с три короба, что где-то замыкают какие-то цепи и сбоят программа, окружающим людям проще считать приборы бездушными вещами.

Впрочем, возможность наличия собственной воли у таких объемных систем, как сам корабль или некоторые его наиболее сложные части, признают даже скептики вроде дяди Бори.

Вправив мозги «Выпи», я не стала сразу отключаться, а позволила себе немного побродить в вирте, осматриваясь и лишний раз проверяя самые беспокойные и «тонкие» места. Необходимости в проверке не было, просто я слишком люблю это ощущение, когда можно заглянуть почти в каждый потаенный уголок огромного тела корабля. Кажется, что ты не сидящий в кресле человек, а неотъемлемая часть этой системы, причем не просто часть, а без малого всемогущая и всеведущая. Я каждый раз в такие моменты задумываюсь: может, установить себе бионику — биологические имплантаты, облегчающие подобный контакт? Сейчас такие у большинства людей, не только работающих с техникой по долгу службы, но и делающих это для собственного удовольствия и развлечения.

Почему я до сих пор не пополнила их ряды... В детстве я об этом даже не задумывалась, все равно подобные изменения в собственном организме можно проводить только по достижении двадцати лет. А в двадцать я уже жила на «Лебеде» и постигала тонкости профессии под руководством Ефимыча, считавшего подобные вещи баловством и проявлением нежелания думать собственной головой. И до сих пор осталась «чистой», хотя и у Василича, и у дяди Бори кое-какое «электричество в мозгах» присутст-

вовало: штурману оно помогало производить сложные объемные вычисления, не доверяя их компьютеру, пилоту увеличивало скорость реакции и позволяло лучше «чувствовать» положение и движение корабля в пространстве. Даже тетя Ада, сетуя на ухудшившуюся память, подумывала об имплантатах.

А я, побродив по кораблю, в очередной раз отмахнулась от этой идеи и решила оставить все как есть. Справляться со своей работой и получать удовольствие от ее выполнения отсутствие бионики не мешало, так к чему лишний раз лечь под лазер? К тому же меня терзали определенные сомнения: как бы с бионикой не свихнуться к зечикам! Я и без нее порой теряюсь между виртом и реальностью, с ней же имею шанс заблудиться окончательно, и вывести меня оттуда смогут только психиатры с психокорректорами. Выведут, конечно, потом подкрутят что нужно в заклинивших мозгах для предотвращения рецидива — они и не такое лечат, — но их еще надо найти в открытом космосе! А если прыжок на станцию в какой-нибудь медвежий угол? И перед стыковкой что-нибудь сбойнет в шлюзовых системах? Наверное, я и в психозе смогу такое поправить, но проще не рисковать.

Собственная голова и некоторые ее реакции порой озадачивали даже меня саму. Все было нестрашно и достаточно мило, чтобы считаться не трещиной в коре¹, а очаровательным чудачеством и изюминкой, но я старалась внимательно отслеживать эти проявления, чтобы хотя бы попытаться отсечь момент, когда станет совсем не смешно. Где уж при такой жизни бионику ставить!

Противников последней, кстати, в мире тоже хватало с избытком. Энтузиасты эти назывались по-разному — «Орденом чистоты», просто «чистюлями», «Движением в защиту мозга» и еще сотнями простых и сложных слов, — общими у них были протест против вторжения в челове-

---

¹ Имеется в виду, конечно, кора головного мозга. Молодежный сленг. — *Здесь и далее примеч. автора.*

ческий разум, призыв к отказу от психокоррекции и, конечно, к полному отказу от бионики. Некоторые шли дальше и протестовали против искусственного интеллекта в машинах, причем не разума (эксперименты по созданию которого, к слову, находились под запретом уже пару сотен лет, со знаменитого Приштинского процесса), а вообще какой-либо логики и возможности самостоятельно принимать решения. Как при этом не только летать между звезд, но вообще жить на космических станциях или планетах с агрессивной средой, правда, не уточнялось. Я уж не говорю о том, что психокоррекции подвергались только отдельные индивиды, на самом деле больные, и для проведения этой процедуры требовалась уйма разрешений, начиная с согласия самого больного или его опекуна. Я знаю, я очень много об этом читала, без особой цели, просто для общего развития.

Я этих фанатиков недолюбливала, как и любых фанатиков вообще, и искренне опасалась, как бы они своим плачем не испортили что-то в отлаженном механизме ЗОР и не осложнили жизнь миллиардам людей. Но Василий с дядей Борей каждый раз отмахивались и успокаивали меня, что таких идиотов во все времена хватало и глупо переживать из-за горстки не вылеченных вовремя недомумков. Я, конечно, беспокоиться не прекращала, просто продолжала делать это молча.

Напоследок я полюбовалась густым синим лесом вокруг, отдельные деревья в котором достигали воистину циклопических размеров (если это, конечно, были деревья), плоской серебристо-синей гладью летного поля и корпусами исследовательской станции, имеющими форму пузырей и напоминающими грибы-дождевики, и стянула шлем. Надо уступить кресло законному владельцу, пусть докладывает домой о выполнении задания, а себе я занятие уже придумала: планета хоть и удаленная от цивилизации, а точка доступа в Инферно присутствовала, быстрая и бесплатная.

То есть оно, конечно, никакое не Иферно, а ИнфорГО — информационное галактическое облако, — только за три века существования в нем скопилось столько всего, что народное название значительно полнее отражает суть. Я каждый раз пытаюсь представить, сколько там информации, и каждый раз пугаюсь. Очень сложно поверить сторонникам разнообразных теорий заговора, утверждающим, что ИГО (правительственная контора, являющаяся создателем и номинальным владельцем этого облака) полностью контролирует каждого пользователя. Гораздо легче поверить в другую точку зрения — что в таком объеме информации, щедро сдобренной человеческими эмоциями, вполне мог самозародиться полноценный разум и, скорее всего, это сделал. Правда, лично я полагаю, что ему до нас нет никакого дела. Ну или, по меньшей мере, он воспринимает нас примерно так, как мы — всевозможные полезные бактерии внутри собственного тела или даже клетки этого самого тела. Но всяких чудачков вокруг хватает. Некоторые предлагают уничтожить всю информационную сеть, пока та не уничтожила нас, другие — наоборот, поклоняются ей, полагая, что именно так выглядит бог. А некоторые вообще поклоняются именно для того, чтобы человечество было уничтожено.

В общем, натываясь где-нибудь на очередные образчики подобного мировоззрения и читая некоторые высказывания, я отчетливо понимаю, что слишком критична к себе. Если такие люди живут на свободе, то мне до безумия и встречи с психокорректорами еще очень и очень далеко, а кровожадность и всемогущество психиатров сильно преувеличены молвой.

Сейчас настроения бродить по подозрительным закоулкам у меня не было. То есть настроение было слишком хорошим, чтобы портить его чтением подобной ерунды. Начитаюсь, ничего полезного не найду, только расстроюсь — или из-за человеческой грубости, или из-за глупости, или из-за общего несовершенства мира. Нет уж, толь-

ко просмотр почты и обновлений любимых сериалов! Ну и книжки можно посмотреть. Но быстро!

С этими оптимистичными мыслями я и заглянула в самое любимое место всего экипажа (камбуз, конечно), чтобы отчитаться перед штурманом о проделанной работе.

— Василич? — позвала я, растерянно оглядывая прямоугольное помещение, вдоль дальней от входа стены которого располагались все полезные приборы и выход транспортера для доставки продуктового сырья из хранилища, а ближнюю к входу часть занимал простой прямоугольный стол со стульями вокруг. Здесь сейчас было пусто и тихо, хотя я могла поклясться, что слышала какие-то шорохи, когда входила внутрь.

В ответ на мой оклик из-под стола донеслись какие-то неопределенные шуршаще-хлопающе-булькающие звуки. Я испуганно попятилась к двери, в красках представив какое-то страшно ядовитое местное животное, заползшее сюда вслед за мной и уже доедающее Василича. Но путь преградило серебристое полотно перегородки, ощутимо наподдавшее по затылку, спине и тому, что пониже. Видимо, от удара в голове немного прояснилось, и я догадалась заглянуть под стол, прежде чем окончательно впасть в панику.

— Аленушка, нельзя так пугать людей, — с набитым ртом проворчал недоеденный моей фантазией штурман, задним ходом выбираясь из-под стола и на ходу дожевывая бутерброд. — Я уж решил, Ада Измайловна изволили вернуться.

— Я вас напугала?! — возмущенно выдохнула я. — У меня чуть сердце не остановилось, когда вы там завозились, я решила — завелся кто-то прожорливый. Хотя... — протянула, с сомнением разглядывая мужчину, — не так уж я и далека от истины. Как в вас столько влезает?! Обедали же буквально только что!

— Вроде такая милая девочка, а такая язва, — мягко укорил он, хотя в голосе прозвучала одобрительная улыбка.

ка. — Хлеба деду пожалела, ай-ай-ай! А у меня желудок чужой, мне, может, тяжело.

— Чужой — это от трупа с Колумбины? — машинально уточнила я. Трупами назывались эндемики той планеты, симпатичные некрупные зверьки, похожие на гибрид полосатой мартышки с пятилапым осьминогом, прославившиеся способностью за раз сжирать количество еды, в десять раз превышающее собственный вес. Способность, впрочем, объяснялась условиями обитания: у Колумбины очень вытянутая орбита, и на то время, что она находится вдали от своего светила, почти все живое впадает в спячку. Температура на поверхности, правда, не совсем экстремальная — ниже двухсот градусов¹ опускается только на полюсах, — но затишье длится почти три стандартных (то есть, земных) года.

За что древние экзобиологи (планета была открыта еще в первую космическую эру) так приголубили бедную зверушку (повторюсь, весьма милую, травоядную и вполне безобидную), я так и не поняла². Все словари единогласно утверждали, что трупа — это нечто искусственного происхождения, какое-то мифическое существо вроде зомби или гигантских мутантов.

Но это шутки, на самом деле под «чужим желудком» подразумевался протез, уже много лет заменявший штурману этот орган. Никаких проблем подобная замена ему не доставляла, но мужчина, дурачась, порой имел привычку вспоминать данный факт собственной биографии, из-за которого был комиссован из армии раньше срока.

— Ох и повезет же твоему мужу! — с насмешливой ухмылкой сообщил Василич. — Ты чего хотела-то, злодейка? — уточнил он.

— А! Хотела сказать, что я договорилась с «Выпью», можно пить! В смысле на Землю докладывать. Я больше не нужна, могу идти?

---

¹ Имеется в виду, конечно, шкала Кельвина.

² В отличие от экзобиологов-исследователей Елена, видимо, не знакома с творчеством братьев Стругацких.

— Как не стыдно такие ужасы говорить, — вновь укорил он. — Далек ли мы без твоей золотой головы и нежных ручек упрыгаем! Но отдохнуть можешь, Аленушка, иди.

Когда он так меня называет и разговаривает в таком тоне, у меня неизменно складывается ощущение, что Рыков издевается, хотя он явно вполне серьезен. То есть иногда действительно ехидничает, но ко мне относится в самом деле тепло и даже с уважением, на мой взгляд несколько незаслуженным, но лестным.

В Инферно я зависла неожиданно плотно и основательно. По дороге сюда с самой Земли было не до того, и я почти две недели обходилась без сети. Зато сейчас постаралась на всю катушку воспользоваться полученной возможностью и с удовольствием пополнила носители информации своего бика кучей увлекательной ерунды и некоторым количеством объективно полезных вещей вроде обновлений программ и каких-то интересных новостей по специальности.

Биков, то есть биокомов — биокомпьютеров, биокоммуникаторов и биокомплексов, — сейчас развелось великое множество. Некоторые оригиналы вживляют их в качестве многофункциональных имплантатов, но большинство все-таки использует отдельные устройства: надежность таких сложных приборов значительно меньше, чем у более простых узкоспециализированных имплантатов. Если выйдет из строя независимый бик, это приведет только к финансовым убыткам, а если сгорит такая штука, встроенная в мозги... в общем, вероятность остаться идиотом без возможности восстановления личности — это еще не самый худший итог. Хотя, если тщательно следить за ним и за собой, наверное, можно жить. Некоторые биопанки вообще начинают себя электроникой так, что даже сленговое выражение появилось «все мозги прочитывал», то есть — окончательно рехнулся на этой теме и за ее пределами уже ничего не видит. В таких развлечениях нет ничего чрезмерно страшного или запрещенного, но с эмоци-

ями и социальной сферой у таких ребят все... не очень хорошо. Откровенно говоря — печально.

Мой биоком — самой простой и, по-моему, самой удобной модели. Он выглядит как декоративная повязка с эластичными вставками, позволяющими системе удобно сидеть на голове. В принципе с ним можно ходить, не снимая, но это вариант не для меня: при таком раскладе невозможно пользоваться рабочим терминалом, они сильно конфликтуют и начинают сбоить оба. Учитывая, что, по мнению производителей, изложенному в описании, такого быть не должно... видимо, ревнуют. Ну и, кроме того, бик — хрупкая и чувствительная игрушка, а я, конечно, не Ванька, но тоже чрезмерной ловкостью не отличаюсь. Одно дело стукнуться лбом о какую-нибудь незамеченную железку: почесала шишку да пошла дальше, в крайнем случае — обругала злодейку-обидчицу и посетовала на жизнь. А если приложиться биокомом, с ним при плохом раскладе можно окончательно проститься. Не так жалко прибор, как накопленную в нем информацию.

Собственные развлекательные пристрастия я... не то чтобы держала в тайне, но не афишировала. Ну их. Мужчины — народ такой, им только дай повод понасмешничать. Не со зла, конечно, но иногда все равно бывает обидно, а в этом случае — особенно. Я только с тетей Адой делюсь, которая мои вкусы полностью разделяет и свято блюдет тайну. Как она говорит, «девичьи секреты, и уберите уже свои любопытные носы!».

Наверное, единственное, что всерьез расстраивает меня в нынешней жизни, это отсутствие каких-либо личных отношений. Флирт с пилотами и коллегами с других кораблей, встреченными на станциях и планетах, не в счет. Отношений этих нет не потому, что я считаю себя какой-то неправильной, недостойной или, напротив, жду принца на белом звездолете. Причина банальна: полное отсутствие поблизости хотя бы относительно подходящих мужчин. Василич, конечно, замечательный, но ему уже семьдесят девять.

Вот и приходится компенсировать недостатки работой и разнообразными сказками про любовь. И мечтать, что на нас нападут грозные пираты, а потом (желательно очень быстрое «потом»: ближе знакомиться с пиратами мне категорически не хочется) прилетят героические полицейские и самый героический заслуженный капитан (естественно) очень геройски вынесет меня из огня на руках, прямо там влюбится, признается в своих чувствах и попросит моей руки. Мечтать — но при этом не забывать поплевывать через плечо (зечики побрали бы этих пиратов всех скопом, не дайте реликтовые духи¹ встретиться с ними на самом деле) и старательно не задумываться о том, насколько глобально будет «не до того» капитану полицейского корабля. Во-первых, не до спасения собственными руками каких-то подозрительных девиц (капитан — он на то и капитан, чтобы командовать, а не лезть вперед всех в пекло; причем командовать, как понятно из названия, кораблем), во-вторых, совершенно не до любви. Ну и, в-третьих, капитан (по опыту) должен быть по меньшей мере в два раза старше меня и либо женат (с довеском в виде пары-тройки детишек, и хорошо, если только на одной планете), либо... подозрительно не женат в своем возрасте.

А в благородных пиратов я не верила даже со всеми натяжками и допущениями.

За бессмысленным, но увлекательным путешествием по просторам Инферно время пролетело незаметно, и голос дяди, переданный «говорилкой» (внутренней системой связи), застал меня врасплох.

— До старта пять стандартных минут, всем занять свои места согласно штатному расписанию.

---

¹ Еще один фольклорный персонаж. Согласно популярной в начале Второй (текущей) космической эры религии Свидетелей Большого взрыва Вселенная имеет привычку периодически сворачиваться, а потом взрываться, и где-то на ее просторах носятся реликтовые духи — то, что осталось от сущностей, недозорвавшихся на предыдущем витке развития и переживших оный взрыв. Своим последователям они обещают подобную честь при очередном Большом взрыве, который случится буквально со дня на день.

Прозвучало очень строго и резко; дядя явно скучал по флотскому прошлому и постоянно пытался окружить себя мелочами, напоминающими о нем. Например, у нас, в отличие от прочих частных грузовиков, никогда не бывало проблем со всевозможными документами, начиная с накладных на грузы и заканчивая инструкциями. До паранойи, правда, не доходило, и безукоризненного следования им дядя Боря не требовал. Что очень правильно: бунт, даже на таком маленьком корабле, — крайне неприятное явление. В отличие от своего старого друга, штурман был рад-радешенек избавлению от «обязаловки» и уставов и попытки возврата к ним встречал ехидством и возмущением. Наверное, потому, что служил дольше и в значительно более жестких условиях.

— Аль, отключайся, хватит ученых разорять, — добавил капитан уже нормальным тоном, и я поспешила выйти из Инферно, почувствовав смущение, будто меня застукали за чем-то неприличным.

Я на всякий случай попыталась вспомнить, чего штатное расписание хотело от меня в данный конкретный момент времени, но не преуспела в этом, а лезть выяснять было лениво, так что я продолжила валяться на койке и разбирать добычу. Тем более что возможных вариантов местонахождения имелось немного: либо все та же каюта, либо пультовая (что маловероятно), либо двигательный отсек. Я никак не могла запомнить: механик считается дежурной единицей, которая должна в тревожные моменты сидеть в самом ответственном месте, или все же в некоторой степени балластом, потому что если при старте произойдет какой-то сбой в оборудовании, шансов исправить его «на горячую» ничтожно мало.

За что я, кстати, была отдельно благодарна приемным родителям, так это за сокращение «Аля». Звучание собственного имени мне нравится, нравится даже набивший оскомину ласковый вариант «Аленушка», но — со стороны, без приложения ко мне. Потому что за годы жизни не-

вообразимо надоели шуточки и отсылки к соответствующей сказке.

На том же самом месте я провела еще часа два: пока взлетели, пока удалились на достаточное для прыжка расстояние, пока «раскачивался» прыжковый двигатель.

Наблюдать за внепространственным переходом — а вернее за тем, как корабль исчезает из точки «А», чтобы потом появиться в точке «Б» — интересно со стороны. Прыжковый двигатель создает вокруг себя (ну, и всего транспорта заодно) сферу стабильного поля, «вырезая» ее из пространства, «выталкивает» за пределы евклидовых координат. А со стороны все выглядит так, будто двигатель через себя выворачивает корабль наизнанку. Говорят, можно разглядеть даже корабельную начинку, и про это, кстати, тоже придумана масса страшилок. Про это и про то, что можно увидеть вне пространства.

Сказки, конечно, никаких монстров и приветов с того света там нет, просто оптический обман и игры восприятия. Если наблюдать за переходом изнутри с помощью камер внешнего обзора, кажется, что в какой-то момент на корабль просто накинули темное покрывало: разом исчезают все звезды и вообще все, что было вокруг. Правда, вскоре становится понятно, что тьма вокруг не совсем кромешная, как будто колпак слегка просвечивает, а за его пределами находится большая яркая лампа. А иногда сама тьма будто идет волнами и начинает переливаться разными оттенками. Это похоже на земное полярное сияние, только очень тусклое и охватывающее не отдельный участок небосвода, а все пространство вокруг.

Лично мне почему-то очень нравится вглядываться в эту живую черноту, она совсем не пугает, наоборот, действует умиротворяюще. Сейчас, впрочем, я в двигательный отсек (откуда особенно хорошо наблюдать за окружающим миром) не рвалась, значительно сильнее увлекшись новыми приобретениями. Я и так видела этот момент уже много раз, можно обойтись.

Пока еще никому не удалось заглянуть за пределы пространственного пузыря, создаваемого прыжковым двигателем. Предметы, оказывающиеся за его пределами, «выпадают» в реальный мир, причем их координаты непременно лежат на условной прямой, соединяющей точки «А» и «Б» маршрута в момент появления предмета. Хотя скорость внепространственного перемещения нелинейна, и более того — один и тот же маршрут может занять разное время, причем иногда набегает разница в несколько суток. Считается, что все видимые и ощутимые (с помощью приборов, конечно) проявления происходят во время перехода как раз на границе раздела. То ли часть «прихваченного с собой» пространства «размазывается» по всей длине пути, то ли, наоборот, что-то прибывает.

Что происходит с кораблем, когда он выпадает из привычных пространственных координат, не знает никто. Где и в каком качестве он существует и существует ли вообще? Время внутри корабля и во внешнем мире течет одинаково за единственным исключением: переход «съедает» чуть больше трех секунд корабельного времени, то есть все часы внутри убегают на три секунды вперед. Время установлено экспериментально и не зависит ни от дальности перехода, ни от размеров корабля, ни от конфигурации двигателей и хронометров: константа, как число «пи».

Главным плюсом (после скорости перемещения, конечно) внепространственных перемещений является невозможность переноса в плотную среду. Если попасть в пылевое облако еще можно, риск выхода в метеоритном потоке ничтожно мал, а уж случаев столкновения с крупными объектами за века подобных переходов вообще не было зафиксировано.

Внепространственные прыжки открыли ужасно давно, еще в Первую космическую эру. Потом, во времена Вторжения и последовавшего за ним Затмения, эти знания оказались временно утрачены, но больше трехсот лет назад человечество вновь открыло для себя дальний космос.

Конец Первой космической эры наступил чуть меньше восьми веков назад, когда наша цивилизация столкнулась... с чем-то. Сведения о том периоде настолько противоречивы и пронизаны таким ужасом очевидцев, что найти в огромном объеме информации крохи истины не способны, по-моему, даже маститые историки. Где заканчиваются легенды и начинается правда, от этих легенд неотличимая? Даже официальные источники осторожничают и избегают четких формулировок. Вероятнее всего, люди встретились с чуждым разумом, и встреча эта оказалась губительной. Причем крах был неестественно быстрым и сокрушительным, и мне кажется, никто толком не успел понять, что именно произошло. Наверное, потому и остался в человеческой памяти только страх, не подкрепленный никакими фактами.

Самой сложной загадкой того периода является один вопрос: почему все-таки наступило Затмение? Были разорваны связи, и погибли колонии (причем не все, только самые удаленные и неразвитые), а до Земли этот вал вовсе не докатился. Не наблюдалось разрушений и массовых смертей, никто не сжигал города и не травил атмосферу, но на несколько десятилетий высокоразвитая цивилизация вдруг погрузилась в хаос. Причем даже серьезных планетарных войн в то время не происходило; людей давил иррациональный страх перед небом, и они единодушно стремились забиться поглубже. Тогда строились подземные и даже подводные города, сейчас заброшенные за бесполезностью и неудобством.

Тогда же наступил настоящий расцвет всевозможных религиозных организаций: звезды, которые прежде манили, в тот период стали воплощением кошмара, ад и рай поменялись местами. Затмение создало сотни тысяч версий предшествовавших ему событий и населило пространство за пределами атмосферы несусветными ужасами, в массе которых правда просто захлебнулась. Если ее, конечно, хоть кто-то знал.

Ровно та же картина наблюдалась на территории выживших колоний. Люди сами уничтожили всю дальнюю связь и все корабли и остервенело вгрызались в кору планет.

Много печальней участь миров, где жизнь без помощи метрополии была невозможна, как раз они погибали в муках. Они и крупные космические станции, удаленные от обитаемых планет, были брошены на произвол судьбы.

Но на некоторых планетах наблюдалась гораздо более странная картина: люди как будто ушли. Просто ушли, разом десятки, даже сотни тысяч обитателей, все до последнего. Начали точно так же, как и на остальных планетах, с уничтожения кораблей и средств связи, стали закапываться в землю, но потом вдруг передумали — и исчезли, а время съело следы, способные хоть что-то прояснить. Таких планет было всего четыре, и их суеверно обходили стороной все космолетчики, кроме редких исследователей.

Судьба еще десятка миров неизвестна: там жило слишком мало людей, чтобы память о них прошла через века. Исследователи, конечно, работали, но я не слышала о сколько-нибудь существенных результатах.

Отпустил этот страх не настолько внезапно, как появился, но тоже достаточно неожиданно. Во всяком случае, достаточно для того, чтобы убедиться в его искусственном происхождении. Но даже эта теория — единственная, хоть как-то объясняющая столь странный панический приступ — имела массу слабых мест. Каким образом можно воздействовать разом на все многомиллиардное человечество, освоившее тогда больше полусотни миров? Почему это воздействие прекратилось? Почему за ним не последовал другой удар, почему таинственный противник не закончил начатое? Нас хотели отпугнуть от какого-то совершенно конкретного места, а потом необходимость в этом отпала?

Версий и предположений рождались миллионы, не только у ученых. У всевозможных писателей тема Вторже-

ния по сей день оставалась любимой наряду с исследованием дальнего космоса, и, честно говоря, некоторые их идеи выглядели гораздо правдоподобней научных исследований. Наверное, потому, что в отличие от трудов ученых творения писателей на то и творения писателей, чтобы не требовать экспериментального и математического подтверждения.

Этот страх прошел уже очень давно, человечество полностью оправилось от потрясения, но по сей день оставалось множество противников и межзвездных перелетов в целом и внепространственных переходов в частности. Последних обыватели особенно опасались, и часто для тех, кто «прыгал» первый раз в жизни, это оборачивалось большим стрессом. У нас на корабле, понятно, таких не было: дядя Боря с Василичем слишком разумны для таких страхов, тетя Ада полностью доверяла своему мужу. Ванька просто любил корабль и перелеты да еще рос на редкость бесшабашным парнем, ему бы как раз не помешала некоторая доля осторожности. Впрочем, я со своими предупреждениями не лезла. Давно уже усвоила, насколько братец упрямый (даже не козел, а настоящий баран), и, если его от чего-то отговаривать, начнет делать назло.

Я же, хоть во многом остальном и трусиха, прыжков не то что не боялась, я их вполне искренне любила. На мой взгляд, посадка в ручном режиме гораздо страшнее.

— Деточки, ужинать! — отвлек меня от размышлений и увлекательного занятия бархатистый женский голос.

Я окинула грустным взглядом развешанные вокруг голографические изображения, вздохнула и, смиренно сложив прибор (отчего изображения, понятное дело, растаяли), убрала его на место. Спорить с тетей Адой, когда та полна энтузиазма всех накормить... нет, спасибо, я еще в своем уме. Одно утешает: готовит она отлично, стыдно жаловаться.

Когда я нога за ногу доплелась до камбуза, там уже собрались все. В отличие от меня, малоежки и «вечного вы-

зова» (по словам дяди Бори) ее способностям, мужчины радовали нашу хозяйку отменным аппетитом. И меня тоже радовали, потому что вечно голодному (даже тогда, когда в него физически уже не лезет) Ваньке можно украдкой скормить часть собственной порции, когда тетя отвернется. А остальные не выдадут, только усмехнутся иронично.

— Алечка, милая, ты совсем не бережешь мое больное сердце, — привычно укорила хозяйка, окинув меня взглядом и качнув головой. Голос у нее был глубокий и мягкий, а еще она нечетко выговаривала букву «р». Звучало в результате очень необычно, будто с акцентом, но я всегда слушала ее речь как музыку. Есть что-то невероятно завораживающее в низких женских голосах, как будто с тобой разговаривает не простой человек, а... не знаю, может быть, кто-то из совсем древних языческих богинь? Сама стихия земли и женского начала? — Если ты и дальше продолжишь худеть, мужчине будет больше не за что зацепиться, останется только повиснуть на твоей шее. А мужчина не должен висеть на шее, мужчина должен держать тебя сам, и ощутимо ниже! — наставительно говорила тетя, пока я устраивалась на своем месте. Во главе стола сидел капитан, его супруга — по правую руку, по левую — Ванька, рядом с ним я, а напротив — соответственно, рядом с тетей — Василич.

Голос отлично подходил к наружности этой женщины. Невысокого роста, плотного телосложения, как говорят — с формами, со всегда аккуратно уложенными вокруг головы волосами, черными-черными и настолько густыми, что я всегда тихонько завидовала, даже понимая, что светлые волосы просто значительно тоньше, и не мечтая об «обмене». Темные большие глаза на круглом лице из-за своего специфического разреза казались всегда печальными, хотя тетя — вполне жизнерадостная женщина. Когда она хмурилась, густые черные брови выразительно сходились над переносицей; у нее вообще очень выразительное и, несмотря на далекие от абстрактного идеала тонкие губы и

крупный нос с ощутимой горбинкой, красивое лицо. Лучше, чем у этих идеалов: запоминающееся и яркое.

— Дело говоришь, — солидарно покивал штурман. — А ты, Аленка, слушай; Ада Измайловна знает, за нее Борька вон сколько лет держится. А и почему не подержаться, если есть за что! — Василич откинулся на спинку стула, демонстративно скосив взгляд на... пусть будет сиденье тети.

— Главное, не перестараться с формами, а то не удержит, — поддел братец.

— Охальники, что старый, что малый, — снова укорила тетя, мягко качнув головой. Как будто не она начала этот разговор. — Надо искать такого, чтобы удержал независимо от форм! Не мальчика, но мужа.

— И мы возвращаемся к началу разговора. Если будет держать независимо от форм, зачем усложнять ему задачу? — иронично резюмировала я. Эта тема для меня, конечно, не до такой степени болезненная, чтобы закатывать истерики, активно страдать и отравлять окружающим жизнь, но я все равно попыталась ее закрыть. — Приятного аппетита!

— Кушайте, дорогие, — поддержала меня тетя, но сбить себя с толку не позволила. — Алечка, мужчины — они же как дети. Их надо любить, о них надо заботиться, но ни в коем случае не стоит их баловать, иначе найдешь проблем на свои же хрупкие плечи.

Я предпочла смиренно промолчать в ответ, а мужчины уже жевали и на беседу настроены не были, поэтому разговор все-таки заглох.

— Дядь Борь, а куда мы сейчас летим? — полюбопытствовала я после еды. Болтовню с набитым ртом тетя решительно не одобряла, и получалось, что проще следовать установленным ею правилам, чем слушать ворчание.

Благодаря кулинарной страсти нашей хозяйки питались мы не просто хорошо — изумительно. Синтезатор (внушительных размеров агрегат, расположенный в специальной нише в дальнем углу камбуза) в зависимости

от программы чисто теоретически был способен собрать что угодно: от монокристалла обыкновенной соли до суперкомпьютера, главное — заложить в него нужные химические вещества и программу. Но теория, как это часто случается, сильно расходилась с практикой, и возможности прибора были весьма ограничены. Он умел выдавать уже готовую еду, но на вкус та получалась как пластмасса, да и внешний вид оставлял желать лучшего. Зато кулинарные «исходники» выходили вполне пристойными, неотличимыми от натуральных не только по химическому составу, но и по вкусу. Форма, конечно, подкачала — то же мясо синтезатор выдавал ровными прямоугольными брикетами с идеально параллельными волокнами и ортогональной капиллярной сеткой внутри, — но так даже удобнее.

— Вань, не помнишь номер системы? — чуть нахмурившись, уточнил капитан. Когда брат, по-прежнему что-то жующий, только развел руками в ответ, пояснил: — Недавно открытая планета, на ней всего пара научных станций, надо закинуть несколько контейнеров и закрыть заказ. Прыжок короткий, на самый край этого же сектора, а потом двинемся в более обжитые места. Кое-что докупим, новые заказы возьмем.

— А обжитые места — это какие? — осторожно уточнила я.

— В окрестности Олимпа, полагаю, — пожал плечами дядя. Олимп — столица этого сектора, мир высокоразвитый и густонаселенный, и это меня полностью устраивало. — А что тебе нужно-то?

— Да так, — смущенно отмахнулась я. Поскольку дядя продолжал смотреть вопросительно, пожалала плечами и ответила сущую правду: — Я себе брючки присмотрела, а на Олимпе точно должны найтись нужные магазины.

— Женщины, — философски вздохнув, протянул дядя. — Зачем тебе они, если ты все равно из комбеза почти не вылезашь?

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая</i> , в которой я просто делаю свою работу и размышляю о вечном	5
<i>Глава вторая</i> , в которой провидение располагает, как ему вздумается, мало интересуясь нашими планами . . .	36
<i>Глава третья</i> , в которой помощь не успевает прийти	64
<i>Глава четвертая</i> , в которой я начинаю совершать открытия и пытаюсь наладить контакт	95
<i>Глава пятая</i> , в которой путь заканчивается, а открытия продолжаются	121
<i>Глава шестая</i> , в которой я еще глубже влипаю в неприятности, причем сотворенные глупости на этот процесс никак не влияют	160
<i>Глава седьмая</i> , в которой проясняются спорные моменты, а жизнь как будто начинает налаживаться	187
<i>Глава восьмая</i> , в которой становится понятно, что слово «налаживаться» все-таки происходит от слова «лажа» . . .	219
<i>Глава девятая</i> , в которой высшие силы обретают конкретное лицо	246
<i>Глава десятая</i> , в которой я нахожу свое место в жизни и новом мире	284